

Добравшись до поместья Мэй, Гу Цин решил оставить попытки угадать цель визита. Его тактика была проста: сохранять невозмутимость, что бы ни наговорила Е Ваньжун. Перед старшими лучше помалкивать — не идти на открытый конфликт, а просто переждать, пока буря утихнет.

Е Ваньжун была недовольна им не первый день, и он прекрасно это осознавал.

Мэй Гуанци дома не оказалось. Когда Гу Цина провели в кабинет, он увидел Е Ваньжун, которая сидела с безупречно прямой спиной, и вежливо поздоровался:

— Мама.

Она взглянула на кресло напротив:

— Садись.

Гу Цин послушно сел и замер в ожидании, позволяя ей начать разговор первой.

Е Ваньжун намеренно выдержала паузу, неспешно допила чай и лишь после этого заговорила:

— Вы с Цзибаем в браке уже порядочно, но у нас так и не выдалось случая поговорить по душам.

— У меня плотный график, — ответил Гу Цин. — Простите мне эту оплошность.

— Понимаю, работа, — её голос был холодным. — Но, Гу Цин, не соизволишь ли ты объяснить мне: если ты так занят делами, откуда у тебя берется время на сомнительные развлечения?

«Сомнительные развлечения?» Гу Цин не припоминал за собой ничего подобного.

— О чем вы?

— Съёмочная площадка. Я знаю, что ты взял себе роль. Не строй из себя дурачка: горячие новости висели в топах несколько дней, в нашем кругу это видели все.

Гу Цин мысленно выдохнул и спокойно пояснил:

— Это не развлечение. Я просто согласился на эпизодическую роль, чтобы немного переключиться на пару дней.

Е Ваньжун нахмурилась:

— Мэй Сяотун была изгнана из семьи собственным отцом. Она годами не поддерживала связь, её отношения с домом Мэй почти разорваны. Если хочешь отдохнуть — пожалуйста, но зачем путаться с такой низкопробной публикой? К тому же, ты плохо влияешь на Байцина. Ему всего пятнадцать, а он уже отирается среди этих лицедеев. Кем он станет в будущем?

Этот поток обвинений поставил Гу Цина в тупик. Общение с Мэй Сяотун — теперь «хулиганство»? Актер — вполне законная и уважаемая профессия. И с какой стати он «портит» Е Байцина?

Просто ищет повод придрататься!

Он изо всех сил старался сохранить спокойствие на лице:

— Я не знаю, что произошло в прошлом, но я вижу, как тетушка заботится о младших. Она прекрасный человек, и наше общение — это нормальные семейные отношения. Её профессия никак не влияет на наши чувства к ней. Мы не портим Байцина и не считаем, что несколько дней на съемках могут пойти ему во вред.

— Это чистой воды софистика.

Гу Цин чуть не усмехнулся. Если бы Е Ваньжун не была матерью Мэй Цзибая, он бы уже давно нашел, что ответить на этот её высокомерный тон. Она говорила с ним так, словно делала великое одолжение.

Вчера он плохо спал, сегодня весь день работал, а теперь — усталый, голодный и взвинченный до предела — был вынужден выслушивать эти нотации. Он сжал кулаки, подавляя клокочущее внутри раздражение:

— Я просто пытаюсь все вам объяснить.

Е Ваньжун поставила чашку, глядя на него ледяным взглядом:

— Прежде всего, ты должен уяснить: наш союз — лишь деловой контракт. Не зарься на то, что тебе не принадлежит. В семье Гу ты привык к безнаказанности, но в доме Мэй есть свои правила. Мы тебе не родители и не станем, подобно им, потакать твоим капризам и разгребать за тобой грязь.

Она перевела дух и продолжила еще жестче:

— Гу Цин, знатные семьи превыше всего ставят репутацию. Ты не в состоянии соблюсти даже

элементарные приличия, а когда тебе делают замечание — еще и смеешь высказывать недовольство? Тебе не только не следовало соваться в актрисы и якшаться с этой чернью, тебе не стоило на глазах у всех вешаться на Цзибая. У него ангельское терпение, но неужели у тебя самого нет ни капли стыда?

Пальцы Гу Цина медленно разжались. Он посмотрел на неё холодно, а голос стал тише:

— Значит, вы с самого начала были против нашего брака?

Раз уж маски были сброшены, Е Ваньжун не стала лукавить:

— Разумеется. Вы с Цзибаем слишком разные, вы не подходите друг другу. Этот брак был лишь прихотью ваших отцов — они решили, что так будет лучше. На деле же ваша совместная жизнь наверняка в тягость и тебе, и ему.

Гу Цин смотрел на женщину перед собой. Настоящая аристократка: статная, изысканная и донельзя заносчивая. Каждое слово, обращенное к нему, было пропитано скрытым презрением. Она смотрела на него сверху вниз, и эта неприязнь, казалось, была у неё в крови.

Неважно, был ли перед ней «Юй Цзиньнянь» или «Гу Цин».

В этот момент он больше не мог сдерживать гнев:

— Вы — мать Цзибая, но он взрослый человек и имеет право на собственный выбор. Если бы он не хотел этого брака, он бы отказался. Но раз уж он согласился и принял его, то всё, что происходит между нами — это наше личное дело. И вас оно не касается.

Гу Цин сделал шаг вперед:

— К тому же, Байцин хоть и молод, но далеко не глуп. Он избегает вас — неужели вы этого не видите? И если вы не понимаете, почему он это делает, значит, вы совсем не знаете своего сына.

Е Ваньжун искадила лицо от изумления и гнева:

— Что за чушь ты несешь? Как ты смеешь так разговаривать со старшими?!

— Я лишь констатирую факты. Хотите вы того или нет, это правда. И не вам решать, быть мне с Цзибаем или нет. Это решит он сам. Никто не сможет заставить его делать то, чего он не хочет.

Гу Цин давно понял: Мэй Цзибай уважает родителей, но это не значит, что он позволит им помыкать собой. Если Цзибай что-то делает, значит, это его воля.

Он любил эту черту в нем — внешнюю мягкость при стальной решительности.

Е Ваньжун задрожала. Никто и никогда не смел так ей дерзить.

— Не воображай, что если Цзибай тебя балует, то тебе всё дозволено! Ты... ты просто невоспитанный выскочка! Как ты вообще смеешь равняться с ним? Рано или поздно вы всё равно разведетесь!

О, пошли прямые оскорбления. Видно, задело за живое.

У Гу Цина не осталось ни капли терпения выслушивать её нападки. Если он задержится здесь еще на минуту, то не ручится за себя.

Он резко встал:

— Если вы позвали меня только ради этого, то мне пора. У меня есть дела. И не волнуйтесь, Цзибаю я об этом разговоре не скажу ни слова. Честь имею.

Гу Цин уже развернулся, чтобы уйти, но следующие слова Е Ваньжун пригвоздили его к месту.

— Ты такая же посредственность, как этот Юй Цзиньянь. Вы оба мизинца Цзибая не стоите! Не надейся, что сможешь вечно пускать ему пыль в глаза. Еще одна подобная выходка — и я лично выставлю тебя вон!

Услышав имя «Юй Цзиньянь», Гу Цин почувствовал укол горькой иронии. Всё-таки он был прав: Е Ваньжун презирала его в любом облики.

Он медленно обернулся:

— И что с того, что Юй Цзиньянь вам не нравился? Он умер, но он навсегда останется в сердце Цзибая. И что с того, что вы не выносите меня? Настанет день, когда он полюбит меня по-настоящему. Я не дам ему развода. Я буду с ним всегда — до самого конца, пока он сам того хочет. А ваше мнение для меня не значит ровным счетом ничего.

Е Ваньжун вспыхнула. Она сделала два быстрых шага к нему и замахнулась для удара.

Гу Цин не был из тех, кто безропотно подставляет щеку. Никогда таким не был.

Он даже не коснулся её — просто резко отступил в сторону. В следующую секунду Е Ваньжун, не удержавшись на высоких каблуках, потеряла равновесие и повалилась вбок.

Инстинктивно он протянул руку, чтобы подхватить её, но не успел. Рука так и осталась висеть в воздухе, когда дверь в кабинет распахнулась. Увидев на пороге Мэй Цзибая, Гу Цин нахмурился.

Зря он недооценил проницательность мужа — тот всё-таки догадался, что Гу Цин солгал, уезжая из офиса.

Придя в себя, Гу Цин снова попытался помочь Е Ваньжун подняться, но та резко оттолкнула его руку. Он замер, осознав, насколько скверно выглядит эта сцена со стороны.

Мэй Цзибай быстро подошел и помог матери встать:

— Что случилось? С вами всё в порядке?

Е Ваньжун поправила одежду и высвободила руку, сохранив на лице выражение скорбного достоинства:

— К счастью, здесь ковры... Я лишь хотела поговорить с Гу Цином, попросить его больше времени уделять семье, но он... он вдруг вышел из себя.

Гу Цин опустил руку. Он стал непроницаем, а взгляд похолодел. Он не проронил ни слова.

Мэй Цзибай перевел взгляд с матери на мужа:

— Мама, здесь наверняка какое-то недоразумение. Я...

— Какое еще недоразумение? — перебила его Е Ваньжун. — Я сто раз говорила твоему отцу, что Гу Цин ненадежен. Вы оба стояли на своем. И вот результат: он не знает, что такое уважение к старшим. Если он уже сейчас позволяет себе распускать руки, что будет дальше?

Слыша эту наглую ложь, Гу Цин лишь коротко и зло рассмеялся. Он смерил Мэй Цзибая колючим взглядом и процедил:

— Да, вы правы. Я не пара вашему сыну. Я невоспитанный, наглый, ничего из себя не представляю и только и делаю, что шляюсь где попало. Я мерзавец, который смеет поднимать руку на старших. Вас такой ответ устроит?

Не дожидаясь реакции, он развернулся и вылетел из кабинета, проигнорировав окрик Цзибая.

Черная полоса, не иначе. В такую ситуацию попади — любой поверит лжи. Слова Е Ваньжун в сочетании с её безупречным имиджем благородной дамы... Кому придет в голову, что она способна на такую низость?

При мысли о том, что Мэй Цзибай может ему не поверить, и без того паршивое настроение Гу Цина пробило очередное дно. На душе стало невыносимо тошно.

Беда не приходит одна — это точно про него.

В кабинете Мэй Цзибай обменялся парой фраз с матерью. Убедившись, что она не ушиблась, он собрался было догнать Гу Цина, но Е Ваньжун удержала его за локоть.

Он помедлил, а затем обернулся:

— Я не знаю, о чем именно вы говорили. Но одно я могу сказать точно: я не разведусь с ним. И второе: я верю в его порядочность. Он не из тех, кто станет оскорблять или обижать старших.

Е Ваньжун поджала губы:

— Вы совершенно не подходите друг другу. Ты сам знаешь, какой у него был характер. Горбатого могила исправит. Я понимаю, что ты уступил отцу вынужденно, но прошло достаточно времени. Развод сейчас — это не преступление...

— Я не разведусь с ним, — голос Мэй Цзибая был спокоен, но в нем отчетливо лязгнула сталь.
— Я люблю его. И даже если однажды он сам захочет уйти, я не позволю.

Он сделал паузу, чеканя слова:

— Он будет моим.

Е Ваньжун в изумлении уставилась на старшего сына, которого растила в строгости и благородстве. Она и представить не могла, что рассудительный и сдержанный Мэй Цзибай способен на такие собственнические речи.

«С кем поведешься... Это всё дурное влияние Гу Цина! Определенно!»

Мэй Цзибай высвободил руку, его тон оставался ровным:

— Он сейчас не в себе, я боюсь, как бы чего не вышло. Я слов на ветер не бросаю: пожалуйста, не давите на него больше.

С этими словами он поспешно вышел. В его движениях сквозила несвойственная ему тревога.

Гу Цин приехал не на своей машине, а поймать такси в районе Старого поместья семьи Мэй было невозможно. До главных ворот еще предстояло пройти, а на улице стоял лютый мороз. Он был измотан, расстроен и явно не в том состоянии, чтобы совершать такие прогулки. Мэй Цзибай не мог не волноваться.

А Гу Цину и впрямь было паршиво. Хуже некуда.

Пальто он оставил дворецкому, когда входил. В ярости он думал лишь о том, как бы поскорее убраться подальше, и совершенно забыл о вещах. Возвращаться теперь не было никакого смысла. Ледяной зимний ветер прошел его насквозь за считанные секунды.

Он сунул руки в карманы брюк, но не стал ежиться или прятать голову в плечи. Напротив, он подставил лицо холоду, позволяя морозу пробраться до костей. Нужно было хоть как-то остудить гнев.

Сзади послышались быстрые шаги. Прежде чем он успел сообразить, что происходит, Гу Цина затащили в крепкие объятия. На плечи легло тяжелое пальто, сохранившее знакомое тепло.

Это был Мэй Цзибай.

Оказавшись в кольце его рук, Гу Цин на миг замер. Нужно было вырваться, но он наотрез не мог пошевелиться.

Рядом притормозил автомобиль Сюэ Минтао. Мэй Цзибай распахнул дверцу:

— Садись. Поговорим в машине.

Гу Цин уперся ногой в порог, не давая закрыть дверь:

— Твоя мать тебе уже всё выложила, так зачем мне в машину? Чтобы ты на меня наорал? Оставь меня в покое, я не хочу ничего слушать! Дай мне побыть одному!

Мэй Цзибай помрачнел:

— Я повторяю: садись в машину.

Гу Цин криво и зло усмехнулся:

— Садись, когда велют? С какой стати мне тебя слушать? Ты что, сейчас заставишь меня

вернуться и извиняться перед ней на коленях? Ни за что! Даже если ты веришь ей, а не мне, я не... хм!

Мэй Цзибай одной рукой уперся в дверцу, а другой обхватил Гу Цина за талию, прижимая к себе, и поцелуем оборвал этот нескончаемый поток яда и колючек.

Сегодня его «Дорогая маленькая роза» оказалась слишком задиристой.

<http://bllate.org/book/17544/1713846>